

На правах рукописи

Севастеенко Алена Вадимовна

**КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ФОРМЫ
ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО ПЕРЕЖИВАНИЯ: ТЕМА ЛЮБВИ
И ЕЕ ДИСКУРСИВНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ**

**Специальность 09.00.13 — религиоведение,
философская антропология, философия культуры**

АВТОРЕФЕРАТ

**Диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук**

Екатеринбург — 2002

Работа выполнена на кафедре истории философии
Уральского государственного университета им. А. М. Горького

Научный руководитель:

доктор философских наук, профессор В. И. Плотников

Официальные оппоненты:

Мясникова Л. А. — доктор философских наук, профессор
Охотников О. В. — кандидат философских наук, доцент

Ведущая организация:

Уральская государственная юридическая академия

Защита состоится «28» июня 2002 г. в 13⁰⁰ часов на заседании диссертационного совета Д.212.286.02 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора философских наук в Уральском государственном университете им. А. М. Горького по адресу: 620083, г. Екатеринбург, пр. Ленина, д. 51, комн. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Уральского государственного университета им. А. М. Горького.

Автореферат разослан «28» мая 2002 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор философских наук, профессор

В. И. Плотников

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИИ

АКТУАЛЬНОСТЬ ТЕМЫ обусловлена возрастающим интересом к проблемам переживания как к ключевым для понимания глубинных оснований человеческой культуры, а также наметившейся тенденцией к напряженному поиску культурно-исторической (персональной) самоидентификации. Ситуация, которая сложилась в европейской культуре, начиная с конца XIX века, свидетельствует о наличии в ней двух противоположных тенденций. С одной стороны, вторая половина XIX — начало XX века отличаются нарастанием нестабильности форм человеческого существования, обусловившем кризис в сфере культуры в целом и духовной культуры в особенности. С другой стороны, в это же время, и особенно со второй половины XX века, все более усиливается стихийная тяга к упорядочению духовной жизни и ее осмыслению в связи с принципиально новым культурным материалом. Обе эти тенденции и их столкновение в современной культуре рождает небывалый интерес к феномену переживания.

Сфера духа всегда включала в себя мир человеческих переживаний, изначальная хаотичность и склонность которого к дисгармонии исторически перемежались с социально детерминированным стремлением и временным обретением меры и наведением относительного порядка. Как результат этого противоречивого процесса духовная культура стала не только средоточием философских идей и концептуальных устремлений (эстетических, религиозных, нравственных и мн. др.), но и концентрацией целого спектра переживаний людей, живших в разные эпохи и на себе испытавших, как разрушение старых границ сменяется возведением новых культурных ограничений. Сама структура переживания человека — бессознательного и спонтанного, с одной стороны, и осознанного, тяготеющего к упорядочению, с другой,— провоцировала эту двуаспектность, в том числе и современной культуры. Но, как свидетельствует Х.-Г. Гадамер, только в конце XIX века слово «переживание» прочно вошло в философскую терминологию. Его появление в автобиографиях и критической литературе «произвело ошеломляющий эффект», вызванный уже тогда обозначившимися предпосылками кризиса в сфере духовности. Именно с конца XIX века система переживания начинает выходить на первый план, стремительно врываясь из сферы обыденного в сферу профессионального и философского языка и становясь своеобразной призмой, сквозь которую не только наиболее рельефно проступают черты кризиса современной культуры, но и намечаются пути к его преодолению.

С нарастанием кризисных явлений в сфере духовной культуры и с увеличением амбивалентности экзистенциальных переживаний оказались

связанными трансформации в сфере языка и речи. Это выразилось не только в оформлении и бурном развитии лингвистики, но и в усилении интереса к проблематике дискурсивных трансформаций. Сам термин «дискурс» был вызван к жизни необходимостью опосредствовать отношение между родовой абстракцией языка и индивидуальной значимостью речи. Дискурс стал социально обусловленной речью, способной связать переживания отдельных людей с их возрастающей зависимостью от духовной культуры всего человечества. Будучи предметом философского исследования, экзистенциальное переживание — это не только то общее, что формирует культурно-исторический горизонт, связанный с человеческой духовностью, но и то частное, которое, в свою очередь, сформировано особой духовной культурой переживания, свойственной каждой отдельной эпохе в истории человечества. Само по себе переживание — стихийно, поэтому оно не может быть структурировано. С другой стороны, переживание не может быть абстрактным. Специфика его проявления и исторические видоизменения связаны с горизонтом духовной культуры, в котором происходит оформление пережитого. Сама культура воздействует на различные формы переживания: страх, ненависть, любовь, смерть, вера, надежда... Среди всех форм чувственности, которые характеризуют человека, с наибольшей полнотой контрверсы культуры проявились в любовных переживаниях. Именно эти обстоятельства обусловили выбор феномена переживания любви как темы исследования. С одной стороны, как феномен переживания индивида, любовь обладает невероятным многообразием своих формообразований. С другой стороны, как вечная тема философии, любовь постоянно сталкивается с конкретной историко-культурной ситуацией, и становится той сферой переживания, которая прежде других нуждается в понимании способов своего обновления и специфики упорядоченности. «Сексуальная революция» конца XIX — начала XX века имела своей целью раздвинуть рамки жестких культурных нормативов и открыть дорогу новым культурным формам любовного переживания, позволить индивиду ощутить себя свободным и в этой форме бытия. Но эффект, которого она достигла, как это ни парадоксально, был обратным. Ситуация в культуре в середине XX века характеризуется предельным сужением сферы чувственности, переживания человека становятся «одномерными» (Г. Маркузе). С середины XX века, наметилась тенденция к осмыслению культурной ситуации и на личностном уровне. Она выразилась в попытках отразить идентичность экзистенциальных переживаний отдельно взятого «Я» (Р. Д. Лэнг, О. Кернберг). И, наконец, в 90-е гг. прошедшего века проблема переживания любви стала самым тесным образом связываться с проблемами персональной и сексуальной идентичности (Р. Салецл, Дж. МакДугалл).

СТЕПЕНЬ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ РАЗРАБОТАННОСТИ ПРОБЛЕМЫ. Существует целый спектр исследований, связанных с проблематикой любви и послуживших отправным пунктом для нашего исследования. Прежде всего, следует отметить ряд отечественных концепций, которые мы рассматривали в качестве достаточно разработанных и потому ограничивающих сферу наших интересов в этой области. Среди них можно выделить следующие основные подходы: онто-гносеологический (А. В. Лукьянов, П. С. Гуревич, Б. В. Марков); философско-антропологический, исследуемый в контексте историко-философского анализа (К. Н. Любутин, К. Василев, А. А. Ивин, А. Рубенис, Ю. Б. Рюриков, В. В. Харитонов, А. Н. Чанышев); философско-религиозный и религиозно-мистический в русской философии и современных отечественных исследованиях (Н. А. Бердяев, Е. Н. Некрасова, Д. В. Пивоваров, В. В. Розанов, Вл. Соловьев, С. Л. Франк); нравственно-психологический (И. С. Кон, Г. Я. Стрельцова); социально-философский и феноменологический (С. А. Азаренко, Ю. М. Бородай); информационно-позитивистский (В. К. Бакшуттов, Г. Л. Смирнова). Среди зарубежных исследований, либо специально посвященных проблемам любви, либо затрагивающих эту проблематику косвенным образом, надо отметить: 1) концептуальный анализ дискурсивных практик в приложении к проблематике содержания сексуальной идентификации и концепциям порядка дискурса (Р. Барт, Ю. Кристева, К. Палья, Р. Салецл, М. Фуко, М. Шелер); 2) исследование воображения, принципа сериации и модификации любовного переживания в автобиографической форме нарратива (Р. Барт, Ф. Brentano, Ф. Гваттари, Ж. Делез, Л. В. Милдмэн, Ж.-П. Сартр, У. Эко); 3) разработку проблемы экстремальных переживаний человека, пограничных форм сексуальности в экзистенциальной феноменологии и психоаналитических исследованиях (А. Кемпинский, О. Кернберг, Ж. Лакан, А. Лоуэн, Р. Д. Лэнг, Дж. МакДугалл, Р. Мэй, З. Фрейд, Э. Фромм, К. Г. Юнг); 4) и, наконец, работы методологического характера, затрагивающие проблематику переживания в контексте культурологических, психоаналитических, феноменологических и экзистенциальных исследований (Г. Башляр, Ф. Brentano, Б. Вальденфельс, К. Гирц, Э. Гуссерль, К. Леви-Стросс, Г. Райл, У. Эко, М. Элиаде). Феномен любви в контексте человеческих переживаний исследовался В. Д. Губиным, М. А. Малышевым, В. В. Семеновой. Анализ самоидентификации и обусловленности персональной идентичности различными дискурсивными практиками невозможен без учета результатов, полученных отечественными и зарубежными учеными, в рамках анализа культуры как текста, структуры и функции текста и повествования, языков и кодов культуры (Р. Барт, А. К. Жолковский, К. Палья, В. А. Подорога, В. Н. Топоров, Е. Г. Трубина, Э. Эриксон). Система художественной культуры, ее язык и функциональные структуры раскрыты в работах М. М. Бахтина, Л. А. Закса, М. С. Кагана, Ю. М. Лотмана, В. В. Харитонova.

Определяющими для понимания идеи жанров философского дискурса и их роли в условиях духовного кризиса современности стали исследования В. И. Плотникова. Направляющими в исследовании культурно-исторических форм экзистенциального переживания были работы Л. А. Мясниковой. Данное исследование соответствует той традиции, которая связывает узловые вопросы философской антропологии и философии культуры с проблемами интерпретации философских текстов и многообразием дискурсивных трансформаций культурно-исторических форм экзистенциального переживания любви. Методологические ориентиры в этой области исследования заданы Х.-Г. Гадамером, В. Дильтеем, С. Н. Зенкиным, П. Рикером, М. Шелером. Но их конкретные, в том числе, дискурсивные аспекты в современных отечественных исследованиях остаются во многом нерешенными. К ним относятся вопросы о том, как модифицируются историко-культурные формы экзистенциального переживания (и, в частности, тема любви) в дискурсивных практиках философских и литературных произведений. Остается неясным, почему в одну и ту же эпоху наблюдаются настолько противоположные формы переживания любви, что можно говорить о наличии «двух культур» (высокой и низкой традиции), нашедших свое выражение в различных дискурсах любви. Не прояснены сами основания и механизм, а также причины трансформации экзистенциального переживания. Отсутствует философская концепция тематизации как существенной основы жанровых метаморфоз философского дискурса. Нет отечественных аналогов исследований, которые увязывали бы феномен маргинальности с культурным творчеством в сфере экзистенциальных переживаний. Очевидный пробел в современных отечественных исследованиях составляет то, что среди них нет таких работ, в которых, во-первых, была бы осуществлена рефлексия по поводу личного состояния и структуры переживания наших современников; во-вторых, была бы произведена переоценка с позиций современности значимости культурных традиций переживания, нашедших свое воплощение в концепциях любви прошлых эпох, сведения о которых можно почерпнуть не только из историко-философских источников, но и из литературного и биографического материала различных мыслителей. Отсутствуют, также, исследования, в которых были бы схвачены ключевые тенденции, позволяющие по-новому переосмыслить человеческую культуру конца XX в.

Основная цель диссертационного исследования — проследить, каким образом от эпохи к эпохе трансформируются культурные формы переживания любви, и как результаты их трансформации философски фиксируются в дискурсивных (поэтических, прозаических и собственно философских) практиках. Это обусловило следующие **задачи**: 1) осмыслить двuasпектность феномена любви как культурно-исторической формы экзистенциального переживания индивида; 2) раскрыть причины «дискур-

сивного взрыва», произошедшего в философской культуре на грани тысячелетий и обосновать необходимость нового методологического подхода к феномену любви как философскому концепту, организующему различные жанры философствования; 3) выявить философский смысл переживания и исследовать, каким образом осуществляется тематизация феномена любви в его дискурсивных трансформациях на рубеже веков; 4) проследить на основе различных дискурсов XIX—XX веков как оформлялось в философии и литературе жизненное содержание любовного переживания; 5) выявить на примере романтической литературы модели трансформации экзистенциального переживания людей и способы их закрепления в качестве философского концепта; 6) исследовать те формы, которые приобретала любовь в жанрах философствования в процессе трансформации человеческого переживания.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ. Одним из узловых моментов диссертационного исследования была опора на обобщающую концепцию человека, с учетом его изменившегося места в системе культуры и того вклада, который внесли в нее те концептуальные направления (экзистенциализм, персонализм, структурализм, герменевтика и психоанализ), которые были вызваны духовной ситуацией современной эпохи. Именно эти два обстоятельства — специфика темы и необходимость ее раскрытия в разных методологических аспектах — обусловили необходимость преимущественной опоры на метод «герменевтического круга» как способа организации новейших современных методологий в конкретном приложении к заявленной в диссертации проблематике. С этой точки зрения в диссертации было переосмыслено многообразие культурно-исторических феноменов экзистенциального переживания, которые нашли свое отражение в различных философских системах как исторически обусловленные образования дискурсивного характера. Следуя герменевтике П. Рикера и У. Эко, мы попытались синтезировать две кажущиеся непримиримыми позиции — экзистенциально-феноменологическую и структуралистскую.

НАУЧНАЯ НОВИЗНА ИССЛЕДОВАНИЯ обусловлена наличием в его предметной сфере нерешенных проблем, определивших цель и задачи диссертации; впервые в отечественных исследованиях была предпринята попытка философского анализа трансформации культурно-исторических форм экзистенциального переживания индивида; впервые обоснована необходимость трансформации некоторых известных методологий, в первую очередь «герменевтического круга», в их приложении к сфере переживания и, в частности, переживания любви; впервые показано, каким образом фиксируются в литературе и обобщаются в философии результаты трансформации экзистенциального содержания переживаний любви; впервые рассмотрено взаимовлияние жанров философствования и процесса тематизации в них феномена любви.

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ РАБОТЫ. Основные положения и выводы исследования нашли практическое применение в семинарских курсах по «Систематической философии» и «Истории зарубежной философии Нового времени» на I, II и III курсах философского факультета УрГУ. Источниковая база по истории философии, философской антропологии, экзистенциальной феноменологии и философии психоанализа, задействованная в работе, была использована при составлении курса «Философия: ее история и проблемы», прочитанного I и II курсам юридического и экономического факультетов УРАО в 1998 г. Материалы диссертации могут быть использованы для разработки и чтения курсов по систематической философии и истории современной западной философии, а также специальных курсов, посвященных проблемам философской антропологии, философии культуры и истории философии.

АПРОБАЦИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ. Диссертация обсуждалась на кафедре истории философии Уральского государственного университета им. А. М. Горького и была рекомендована к защите. По теме диссертационного исследования был сделан доклад на заседании кафедры истории философии УрГУ (апрель, 2001 г.). Отдельные аспекты концептуальных разработок легли в основу докладов и выступлений автора на следующих конференциях: Втором Российском философском конгрессе «XXI век: Будущее России в философском измерении» (Екатеринбург, УрГУ, 7—11 июня 1999 г.), научной конференции «Литература как форма существования русской философии», проведенной Обществом ревнителей русской философии в Уральском государственном университете им. А. М. Горького (Екатеринбург, 17 апреля 2001 г.), Всероссийской научной конференции «Культура и цивилизация» (Екатеринбург, ИППК при УрГУ, 17—18 апреля 2001 г.), научной конференции «Культура эпохи Романтизма: философия, литература, архитектура, изобразительное искусство, музыка» в Уральской государственной консерватории (Екатеринбург, 10—14 декабря 2001 г.); научной конференции «Русская философия как философия любви», проведенной Обществом ревнителей русской философии в УрГУ им. А. М. Горького (Екатеринбург, 6 марта, 2002 г.).

СТРУКТУРА И ОБЪЕМ ДИССЕРТАЦИИ. Структура работы обусловлена последовательностью и характером задач, решаемых в исследовании. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованной литературы. Содержание работы изложено на 159 страницах стандартного компьютерного набора. Библиография включает 259 наименований.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во «Введении» обосновывается актуальность темы исследования, определяются его теоретические источники, степень разработанности проблемы в отечественной и зарубежной философской литературе, формулируются цель и основные задачи диссертации, раскрывается теоретико-методологическая основа исследования, характеризуется научная новизна и практическая значимость диссертационной работы.

Глава 1 **«Феномен любви и его основная дилемма: культурная форма и жизненное содержание экзистенциального переживания»** посвящена осмыслению двуаспектности феномена любви и анализу культуры как универсального горизонта ее экзистенциального переживания.

В § 1 **«Культура как универсальный горизонт переживания любви и основная константа его единства в жанрах философского дискурса»** на материале культурных текстов, свидетельствующих об историческом своеобразии любовного переживания, дается ретроспективный анализ его трансформации от Античной эпохи до Средневековья. Основное внимание уделяется культурно-историческим формам, в которые облекается экзистенциальное переживание в истории человечества. Стихийное по своей природе, экзистенциальное переживание как таковое не поддается философскому исследованию. Судить о его специфике можно только исходя из анализа конкретных культурно-исторических форм, получивших свое тематическое выражение в различных жанрах литературной словесности. Чтобы философски осмыслить экзистенциальное переживание, нами предложена гипотеза, что оно обладает особым, обусловленным спецификой культуры и ограниченным рамками столетий, формальным порядком. Отмечается изначальная амбивалентность содержания этих дискурсивных форм: они включают в себя структурные выражения осмысления «материи» чувства и склонность к стихийной трансформации, которая получает свое выражение в различных жанрах философствования (трактат, диалог, исповедь, эссе, апология). С самого начала феномен любви рассматривался в двух его аспектах: а) как факт экзистенциального переживания, носящий имманентный, индивидуальный характер; б) как культурно-историческая форма («порядки любви»), которая универсальна (такими формами являются: «эрос», «филия», «агапэ», «сторгэ»). Дилемма феномена любви, таким образом, разрешается поэтапно, по мере обращения к двум основным блокам философской проблематики: а) концептуальным аспектам жанра, в котором осуществляется тематическая обработка любовного переживания, описанного как «порядок любви»; б) конкретным культурно-историческим формам дискурса (поэтического, прозаического и собственно философского), в которых выражается содержание феномена любви как экзистенциального пе-

реживания. «Вне дискурса нет идентичности»¹. Дискурс — и не что другое — придает любовному переживанию упорядоченность: любовь приобретает свою культурно-историческую форму только тогда, когда о ней рассказывают. Основу нашего анализа составляет способ, который, говоря словами В. Н. Топорова, позволяет двигаться «от позиции к диспозиции и обратно». Обмен культурными формами любви, иными словами общение «своего» и «чужого» — от души к душе,— осуществляется через перевод классических форм порядка в новые формы своего собственного переживания. Способ модификации этих культурно-исторических форм экзистенциального переживания позволяет нам сделать предположение о специфике тех трансформаций, которые претерпевает феномен любви, носящий изначально двойственный характер. С одной стороны, его характеризует «порядок», который мы рассматриваем как категорию культуры. С другой стороны, под покровом этого порядка скрывается изменчивая стихия страстей, экстракт переживания, который изнутри взламывает границы сформированного культурой порядка и трансформирует его, согласно некому культурному механизму, анализу которого посвящен следующий параграф нашего исследования.

В § 2 «Специфика методологического исследования феномена любви: концепция культурных “ренессансов”» высказывается положение о наличии амбивалентных тенденций в развитии человеческого переживания и форм его трансформации, выраженных в неклассических жанрах философствования. Однако мы отмечаем рубеж, на котором особенно явственна эта амбивалентность. Этот рубеж — культурно-историческое явление, которое периодически повторяется на разных этапах истории человечества. Чтобы его осмыслить, в параграфе, во-первых, выявляется культурный механизм, который обуславливает преемственность темы любви в рамках различных жанров философствования; во-вторых, обозначается культурная эпоха, характерные черты порядка любви которой становятся наиболее актуальными; и, наконец, в-третьих, обосновываются изменения, произошедшие в жанрах философского дискурса, посвященных теме любви в эпоху Средневековья и Нового времени. Этот механизм, который предполагает открытие структур, сочетающих оба аспекта экзистенциального переживания, имеет свои основания в культуре, соединяющей стихийные элементы «классики» со структурными кодами «романтики», и поэтому назван нами механизмом «культурных ренессансов». Он, несомненно, коренится в нюансах «культурного возрождения», имевшего место на протяжении всей истории человечества. Обновление жанров философствования в это время рассматривается на примере жанров философской поэтики и философского романа. С этой точки зрения, термины «классицизм» и «романтизм» (которые нельзя

---

¹ Салецл Р. (Из) вращения любви и ненависти. М., 1999. С. 12.

приравнивать только к аналогичным эпохам и стилям в искусстве)¹ призваны обозначить исконную амбивалентность экзистенциального переживания. Эти термины используются нами не только в их историческом значении, но и в структурной связке, в качестве аспектов философской методологии. Круг «ренессансов», который мы можем констатировать внутри культурно-исторического единства «эпоха — переживание», — это, по сути, схематизм «вечных возвратов» от одного порядка к другому, которые осуществляются в постоянно меняющейся «стихии любви» и становятся очевидными в дискурсивных трансформациях ее экзистенциального переживания. «Старое и новое — писал Ж. Бодрийяр, — значимо чередуются друг с другом в любой культуре»². Особо выделяется эпоха Средневековья, в которой столкновение двух сил — старой и новой — христианства и язычества, породило невиданный взрыв многообразия культурно-исторических форм экзистенциального переживания. Эту особенность переняла затем эпоха Нового времени. Культурные ренессансы в ней были построены на амбивалентных тенденциях философии Романтизма и Просвещения.

Глава 2 **«Проблема “дискурсивного взрыва” и необходимость нового методологического подхода к феномену любви»** посвящена анализу современной ситуации, сложившейся в сфере любовных переживаний индивидов и обоснованию новой методологии исследования феномена любви и его нового порядка (секса), начиная с рубежа XIX — XX вв. С этой точки зрения, было необходимо прояснить, соответствуют ли рамки нашей эпохи новым формам любовного переживания человека и его персональной идентичности, позволяют ли эти рамки осуществляться его самоидентификации в полной мере, включая и сексуальную идентификацию, или же мы имеем дело с жесткими ограничениями творчества в сфере переживаний.

В § 1 **«Феномен любви в его структурном разнообразии: оперативная модель “порядков любви” и ее экзистенциальные функции»** раскрываются новые перспективы порядка любви, осмысление которого дается в процессе формирования концептов философского знания и его концептуальных персонажей, взятых в качестве представителей различных направлений в современной философии. Это позволяет рассматривать в параграфе понятия «концепт», «концептуальный персонаж», «концептуальная база», с помощью которых упорядочиваются переживания индивидов, принадлежащих к разным эпохам в истории человечества. Основу самого факта наррации (рассказа о пережитом), составляет имманентное переживание, которое, становясь «пережитым», осмысливается и выражается в дискурсе, обретая тем самым культурно-историческую

---

¹ Об этом пишет в своих работах по эстетике В. О. Лобовиков. (См.: *Лобовиков В. О.* Алгебра формальной эстетики Романтизма // Архетипические структуры художественного сознания: Сб. ст. Екатеринбург, 2001. Вып. 2. С. 103—122).

² *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть. М., 2000. С. 173

формулировку. Философы, вступившие на путь постмодернизма, считают, что с того времени, когда границы между философией и литературой (словесностью) начинают не только разрушаться, но и вовсе исчезать, классическая форма философствования становится проблемой. Эту проблему и было призвано зафиксировать, а также наметить пути к ее решению, понятие «взрыва дискурсивных границ». Сами по себе дискурсы имеют жесткие границы, но оказавшись в ситуации слияния жанров, они выходят за собственные пределы, осуществляя своеобразный акт трансгрессии, который рождает ассоциацию с «дискурсивным взрывом» (Ю. М. Лотман). Специфика новых трансформаций экзистенциального переживания связывается в параграфе с еще одним немаловажным аспектом в современной философии. Это поиск и обретение особых форм персональной идентичности. Структура порядка любви — это структура самоидентификации. Суть ее выражена в концепте «ordo amoris». «Кто узнал ordo amoris человека,— говорит М. Шелер,— тот узнал и его самого. Для человека ordo amoris, то же самое, что формула кристалла для кристалла»¹. Сегодня поиски идентичности осуществляются в ситуации очередной утраты культурного образца (Р. Салецл). Символический порядок начинает распадаться, а экзистенциальное переживание — беспричинно трансформироваться. С этой точки зрения, порядок любви — культурный код, который выявляет специфику переживания индивида, принадлежащего к одной эпохе и сопоставляет его с порядками в культуре на протяжении всей истории человечества. Ordo amoris как имя определенного концепта символизирует собой целую сеть взаимосвязанных элементов. Объединяет их всех отдельный «персонаж», а именно — «творец концептов», который будучи «персонажем» всякой культурной территории, способен творить на фоне любого историко-философского «пейзажа». «Горизонт концепта», или «пейзаж», представляет собой тот культурно-исторический фон, который складывается в соответствии с «духом эпохи» и включает в себя нормы и стереотипы, в известной степени абсолютные для того, кто к этому веку принадлежит.

В § 2 «Проблема деформации порядков переживания и многообразие способов их дискурсивного выражения» выводятся методологические основы современного исследования дискурсивных трансформаций любовного переживания с учетом сложившейся на рубеже веков историко-культурной ситуации и соответствующих ей жанровых структур. Один из элементов каждой из этих структур, а именно — переживание, мы назвали «романтическим», другой — и это собственно культурный порядок — «классическим». Эта методология основывается на двух фундаментальных принципах: а) структура «ordo amoris», описываемая как последняя, наиболее глубинная в этом ряду, является таковой только как рубеж, которого достигло осознание переживания любви посредством

---

¹ Шелер М. Ordo amoris // Шелер М. Избр. произв. М., 1994. С. 342.

операции с «герменевтическим кругом»; новое исследование может лишить ее статуса глубинной, формы последнего кода, преобразая в одну из многих промежуточных поверхностных структур; б) отступление от кода «эроса» или «агапэ» к метакоду «ordo amoris» возможно только при обнаружении новых феноменов любви, вынуждающих к перестройке моделей, объясняющих ее переживание; при отсутствии таковых феноменов у нас нет оснований для формулировки новых метакодов, разве что мы будем их гипотетически предполагать. Отдельные фазы этих изменений преследовали цели перемен в экзистенциальном переживании, которые устанавливали «границы эпох», когда великий всеобъемлющий порядок распадался на порядки, которые со своей стороны были (а) переменчивы и (б) ограничены, (с) обнаруживали подвижные границы и (d) допускали затрагивающие основания инновации (Б. Вальденфельс). С точки зрения культуры, порядок никогда не бывает нейтрален (безоценочен), он — либо легитимен (официален), либо делинквентен (неофициален). «Нормы становятся заметными и ощутимыми впервые только в процессе их переступания и поскольку переступание первичнее самой нормы»¹. Суть механизма трансгрессии состоит в раздвижении — вплоть до полного размывания — границ нормативного *ordo amoris*, то есть во внесении беспорядка, нацеленном на потенциальное взращивание нового строя, установление иной упорядоченности. Суммируя наши рассуждения, можно утверждать, что, во-первых, концепт «ordo amoris» представляет собой целое, т. к. максимизирует свои составляющие, однако это фрагментарное целое; во-вторых, этот концепт предстает как возможный формальный мир переживания, который еще не реален, но тем не менее может существовать в своих пейзажах и персонажах; в-третьих, мир концепта обладает собственной реальностью, в качестве одного из возможных миров (например, текстуального — мира терминов и метафор, зафиксированных в философских произведениях): его герою достаточно заговорить, чтобы придать реальность тому, что им задумано (соответственно, тексты надо начать читать или создавать); в-четвертых, реальность концепта осуществляется в нас как языковой индекс, или философский дискурс — в более широком словоупотреблении.

Глава 3 **«Философский смысл переживания и тематизация феномена любви в дискурсивных практиках XIX — XX веков»** посвящена рассмотрению современных концепций экзистенциального переживания, раскрытых на основе литературных и философских произведений периода конца XIX — середины XX веков.

В § 1 **«Концепция “творцов культуры”: феномен маргинальных личностей и новые горизонты экзистенциального переживания»** рассматривается автобиографический аспект возникновения понятия переживания и трансгрессивная роль способности воображения, гарантирую-

---

¹ Вальденфельс Б. Мотив чужого. Минск, 1999. С. 101.

щая его трансформацию и обновление в историко-культурном горизонте. Это обуславливает необходимость концептуального анализа жанра как особенной формы философствования, трансформация которой связана: а) с ее тематической организацией; б) с дискурсивными трансформациями в контексте обновляющейся духовной культуры. Феномен переживания и философствования о нем оказался в поле внимания мыслителей на рубеже XIX — XX вв., в условиях кризиса основ человеческой духовности. Само по себе переживание любви обладает такой существенной чертой, как «имение границ». Это выражается, прежде всего, в наличии определенного порядка, в котором осуществляется переживание и который обусловлен культурно и исторически. Один порядок любви от другого отделяется дискурсивными границами, которые обладают тенденцией к трансформации. Эти границы — своего рода пределы, которые положены экзистенциальному переживанию в способах его манифестации. Как таковые, границы дискурса — это, во-первых, границы расчерчивающие, структурирующие любовное переживание, а во-вторых, это границы, которые отделяют один дискурс любви от другого. Специфика трансформации культурно-исторических форм экзистенциального переживания проясняет сущность его философской интерпретации. Само переживание любви и его особый дискурс находятся в структурной взаимосвязи. Дискурс и переживание — оба содержат в себе элементы тождества и различия: тождество переживания — это его идентификация, т. е. факт обретения переживающим индивидом своей персональной идентичности; различие — это трансформация, которая осуществляется путем выхода за пределы определенного порядка дискурса, оформленного культурно и исторически. Связывая это определение с предметом нашего исследования, можно сказать, что дискурс — это специфический, обусловленный эпохой и культурой, способ переживать любовь и высказываться о ней. Жанры философствования, а также их современные модификации в романтической литературе рассматриваются как различные типы «дискурсивных практик». Это означает, что дилемма феномена любви «до», «вне» и «независимо» от этих практик не существует. Сами же эти практики отличаются гетерогенностью. Особые дискурсы, в которых артикулируется переживание любви, отсылает к их исконной стихийности или, иными словами, романтичности, элементы которой противоречат друг другу, будучи амбивалентными. С другой стороны, гетерогенности всегда противостоит заключенная в самом понятии культуры склонность к формированию порядка, как идеала «языкового», классического выражения переживания. Следовательно, перевод переживания в дискурс заключается в использовании семиотико-нарративных структур переживания и их трансформации в структуры дискурсивные. Дискурс любви, таким образом, есть результат этого оперирования с глубинными формами экзистенциального переживания. С одной стороны, нас интересует содержа-

тельное единство традиции текстов о любви, которые следует понять и осмыслить с философских позиций. С другой — факт понимания становится для нас критерием обретения персональной идентичности. Связанность жизни и переживания, исходит, прежде всего, из двух предпосылок: во-первых, исследуя феномен любви, мы имеем некоторое противопоставление жизни — понятию, которое выражается в двух аспектах любовного переживания, являющегося темой как философских, так и литературных произведений; во-вторых, именно текст автобиографического характера выступает концентрацией «пережитого» и единственным свидетельством о персональном чувстве любви, идентифицирующем своего автора. Эта рефлексия над самоидентичностью оказывается как бы вплавленной в целостность процесса интимной жизни личности, становясь жизнью гениального мыслителя, т. е. его автобиографией. «Способность персоны к самооценке предполагает ее, персоны, возможность существовать в качестве самодетерминирующего индивида, изменяться, но оставаться при этом единой и той же самой персоной»¹. Феномен гениев (маргиналов) позволяет рассматривать поиск идентичности как предельно персональный. Это личностный поиск людей, не принятых своей эпохой, и вынужденных в одиночку осуществлять процесс историко-культурной самоидентификации. Отсюда в параграфе, во-первых, осуществляется рефлексия по поводу наличного состояния и структуры переживания наших современников; во-вторых, производится переоценка с позиций современной значимости культурных традиций переживания, нашедших свое воплощение в концепциях любви прошлых эпох, которые можно почерпнуть не только из историко-философских источников, но и из биографического материала различных мыслителей. «Дискурсивный взрыв» — это не только провокация, которой подвергся язык философии, но и культурное обстоятельство, которое нуждается в концептуальной идее, чтобы быть обоснованным. Такой идеей, на наш взгляд, становится тема, рассмотренная как дискурсивный феномен, который способен вместить в себя любой предмет философствования, придав ему первичную ориентацию на культуру. Одним из ключевых ориентиров при этом выступает методика тематизации. «Переживание есть единственное свидетельство»², — писал в «Политике переживания» Р. Д. Лэнг. Свидетельствовать об экзистенциальном переживании может только его тематизация. Согласно ей, тема есть мера упорядоченности, критерий цельности дискурса. С этой точки зрения, в работе различаются два способа тематизации: генерализирующая и индивидуализирующая. Один способ позволяет схватить формальный, другой — содержательный аспекты экзистенциального переживания. Анализируя любовь как тему философского исследования, мы различаем два способа тематизации, которые ос-

¹ Трубина Е. Г. Рассказанное Я: Проблема персональной идентичности в философии современности. Екатеринбург, 1995. С. 17.

² См.: Лэнг Р. Д. Политика переживания // Лэнг Р. Д. Расколотовое «Я». СПб.; М., 1995. С. 225.

нованы на двух определениях понятия «тема» — в научном и в литературном дискурсе. Философский дискурс, в итоге, стыкует оба эти определения, производя синтез формального и содержательного аспектов тематизации экзистенциального переживания. Смысл переживания концентрируется в теме, обретает собственные черты в том дискурсе, который ее описывает. Этот смысл — сугубо индивидуален. Оба понимания тематизации взаимосвязаны. С одной стороны, для того, чтобы локализовать дискурс, тема протраивается в определенном порядке; с другой — для того, чтобы дискурс не превратился в «мертвый язык», его порядок должен основываться на реальном фундаменте жизни людей. Дискурс — это не жизнь, а комментарий, который ее постоянно прерывает (М. Фуко)¹. Однако, раскрывая его отдельные темы, дискурс позволяет нам выразить суть экзистенциального переживания. Жизнь идентифицируется в дискурсе с порядком «артикуляции», концентрируя свободную практику «переживания» — в тему. Жизнь порождает темы; дискурс запечатлевает жизнь. Структура порядка — всего лишь застывшая форма когда-то актуального переживания. Основа «порядка любви», описываемого его автором, — это реальность жизни, «длительность» переживаний, которая парадоксальным образом тоже системна. Это «система переживания», которая существует всегда в модусе единичности, т. е. в перспективе индивидуума, его опыта жизни и багажа «пережитого». Обращение к гениальным личностям позволяет проследить, как конкретно происходит изменение в содержании имманентного переживания, как осуществляется новаторский выход за границы существующих в культуре порядков. Гений — это индивид, который обладает творческой способностью воображения. Он — творец культуры, в том числе и культуры переживания, а также новатор дискурсов любви. Именно гений, как индивид, чьи переживания выходили за рамки эпохи, ему современной, становился первым выразителем грядущих перемен в духовной сфере. Воображение придает персональным переживаниям отдельных людей эпохальный характер, погружая их в великое многообразие историко-культурного контекста. Фокусом трансформации переживания становится самость индивида, его персона и интимный мир, получивший свое нарративное выражение в литературных произведениях и, в свою очередь, персонифицированный в их протагонистах. С помощью воображения гений фокусирует в себе оба аспекта любовного переживания; но только маргинал, чье воображение вскрывает скрытые тенденции его эпохи, способен придать бурлящей в нем стихии любовных переживаний новый порядок, который с этого момента становится эпохальным. Из этого следует, что гений — это талант создавать то, для чего не может быть дано определенное правило, — т. е. талант переживания; а не умение создавать то, чему можно научиться, следуя определенному правилу, или канону любви. Главными его ка-

---

¹ См.: Фуко М. Археология знания. Киев, 1996. С. 207.

чествами являются: а) оригинальность; б) способность быть «примером» порядка любовных переживания; и, наконец, в) явная неспособность гения обосновать свои переживания с философской точки зрения, невозможность объяснить, как он создает свое произведение, творит в сфере жанра и дискурса любви. Этим занимаются его последователи и эпигоны.

В § 2 «**Любовь как тематизируемое переживание и способ выражения персональной идентичности мыслителей в эпоху раннего и позднего Романтизма**» прослеживается трансгрессивный характер переживаний ранних и поздних романтиков на примере конкретных произведений С. Т. Кольриджа, Э. А. По и И. В. Гете. Одной из проблем, решаемых в параграфе, становится проблема наследования в превращенной форме романтической любви, порожденной культурными традициями рыцарства и представлениями о священном союзе, берущем свое начало в религиозно-правовом браке древности и в целом наборе традиций эпохи Просвещения. Основная концепция в параграфе строится на двуаспектности персональности: во-первых, с философской точки зрения понятие «персона» отражает автобиографию переживания, связанного с интимным опытом его носителя, чувства которого выступают как лицо, которое проглядывает в его произведениях; во-вторых, понятие «персона» также может расцениваться как маска, личина, к которой прибегает автор, чьи переживания выглядят экстремальными, и не вписываются в рамки норм и обычаев, то есть узаконенных «порядков» той культуры и эпохи, к которой он принадлежит. Способность воображения у романтиков — это способ обретения персональной идентичности. Эта идентичность, согласно Г. Райлу, не существует нигде, кроме собственного сознания обретшей ее персоны. Но именно гармония в этом «систематически неуловимом “Я”»¹, группировка и центровка (или децентровка) его элементов позволяет осуществиться жизненно необходимому акту самоидентификации. Следовательно, гений как романтик — это творец культуры переживаний, который пересматривает правила чувствования и создает для них новые каноны. Это субъект творчества, который обладает способностью по-новому упорядочивать им же самим порожденную стихию переживания. С тем, чтобы выжить в исторической ситуации, которая прикрепила к ним ярлык маргинальности, и все-таки обрести, пусть воображаемую, но персональную и, прежде всего, сексуальную идентичность, мыслители эпохи Романтизма были вынуждены прятаться под масками героев своих произведений. Однако превратности культуры модифицировали это отношение, и зачастую маска была не ширмой «от» правил существующего «порядка любви», а напротив, становилась самым сильным выражением, наиболее полной персонификацией сексуальной идентичности, носителями которой от лица автора выступали его герои. Смысловое целое жизни, выраженное дискурсивно,— вот что представляет

---

¹ Райл Г. Понятие сознания. М., 1999. С. 239.

собой художественное произведение. Обретение персональной идентичности происходит посредством идентификации автора и героя художественного произведения. Сущность любви оправдывает персональность любого переживания, она составляет сердцевину всякой самоидентификации. Через своего героя автор оказывается в позиции «вне себя» («вненаходимости»), что дает ему возможность взглянуть на свою идентичность «со стороны». Он может формировать себя извне, творить из потока интимных переживаний собственную персональность, которая, по сути, есть «пережитое», отлитое в форму одного из жанров философствования. Герой — это точка самоидентификации, в которой соединяются в мистическом браке автор и его мечта об идентичности. Сила воображения позволяет романтику возвыситься над автобиографией, «...стать вне всей своей жизни в целом, воспринять ее как жизнь другого человека»¹. С точки зрения этой двуаспектности, соединить обе ипостаси переживания можно только в горизонте культуры, которая переводит пережитое в единый план истории и автобиографии. Созидание культуры начинается с созидания своей идентичности: в облике своего персонажа автор видит черты сексуальной самости, которая его привлекает. Сам себя увидевший, словно Нарцисс в водах своей гениальной фантазии, автор влюбляется в собственную идентичность. Эта идентичность, по сути, является сексуальной маской. Она претендует на то, чтобы быть формой экзистенциального переживания любви. Как концепт философского дискурса любовь — это сексуальная маска (порядок любви воплощается в сексуальной маске); ибо маска — персонификация философской идеи трансформации переживания и в то же время его результат — лично пережитое, которое осознано и выражено в форме метафоры, возникшей в силу воображения); результат пережитого реализуется посредством трансформации пола в сексуальной маске; автор (который видит в своих героях свою биографию,— гений, поэт) — это персона-маргинал, который переживает по-новому; его маска — персонификация новых переживаний и связующий концепт в духовной культуре. Согласно этой концепции, мы можем расценивать феномен сексуальных масок двояким образом: а) как факты переживаний, выходящих за рамки порядков своей эпохи; б) как результат кристаллизации чувствования; личина, под которой протекает процесс переживания. Сексуальные маски переживания, таким образом, связаны с тремя аспектами вакхической культуры, возрождение которой характерно в философии романтизма: а) правовое рыцарство; б) сексуальное творчество; в) половая трансформация². Основным механизмом образования сексуальной маски — это механизм сериации. Сериация как

---

¹ Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 77.

² Эту особенность подчеркивает Т. Х. Керимов: «Сексуальность вызвала к жизни понятие пола как спекулятивного элемента, необходимого для ее функционирования». (Керимов Т. Х. Дискурс // Современный философский словарь. Лондон; Франкфурт-на-Майне; Париж; Люксембург; Москва, 1988. С. 250).

принцип любви обладает особыми формами: во-первых, формой повторения, которая трансформирует особенное — во всеобщее; (первый закон любви гласит: «в каждой любви общее — заключено в особенном»); во-вторых, формой тождества, которая подчеркивает серийность экзистенциального переживания: лики любви не проявляются на одном и том же уровне — они складываются в серию; («существует две серии экзистенциального переживания, и они — гомосексуальны»; М. Пруст называет их «сериями Содомы и Гоморры»); аксиома повторения — это источник примирения обеих амбивалентных серий, которое осуществляется в связи с поисками персональной (и, прежде всего, сексуальной) идентичности: «наша индивидуальная любовная серия, с одной стороны, отражается в серии более широкой, трансперсональной, с другой,— в более узкой, образованной каждой отдельной любовью»¹. Как итог, приводится мысль о том, что нарративно создаваемая персональная идентичность несет на себе печать историко-культурной парадигмы своего столетия (времени, эпохи). При этом ведущую характеристику, ядро переживания персональной идентичности составляет сексуальная идентичность. Ее ключевое раскрытие происходит на стыке универсальной (мета-) истории культуры и уникальной концепции «я-индивидуальности» — (локальной) истории, то есть биографии.

В «**Заключении**» резюмируются основные результаты проведенного исследования, приводятся выводы концептуального характера, указывающие на его научную новизну, теоретическую и практическую значимость, формулируются проблемы и перспективы дальнейших исследований.

Положения, выносимые на защиту: 1) как культурно-историческая форма экзистенциального переживания индивида любовь предстает в двух аспектах: во-первых, как содержание переживания, раскрываемое в его имманентном процессе; во-вторых, как форма пережитого, которая обладает структурой порядка, характерного для той или иной исторической эпохи; 2) культура выступает как универсальный горизонт, позволяющий конституировать двуаспектное единство: «эпоха — переживание» и «форма порядка — содержание чувства», раскрытое в связи с жанровыми метаморфозами философского дискурса; 3) «порядок любви» является формализованным переживанием, дискурсивно выраженной структурой, которая выступает в горизонте культуры и представляет собой ее классический продукт; тогда как переживание — это живая система, которая романтична по своей сути и по природе склонна к выходу за культурный горизонт своего содержания, оформленного как историческое; 4) основу факта наррации с точки зрения персональной идентичности составляет имманентное переживание, которое, становясь «пережитым» в рамках творческой автобиографии, осмысливается и выражается

---

¹ Делез Ж. Марсель Пруст и Знаки: Статьи. СПб., 1999. С. 35—36.

в художественном дискурсе как философский концепт («ordo amoris»); 5) осознание любви является фактом творческой автобиографии маргинальных личностей, переживающих любовь «на грани эпох»; 6) эпохальный характер персональным переживаниям отдельных индивидов (гениев) придает воображение, которое погружает их во все многообразие историко-культурного контекста; фокусом трансформации переживания выступает самость маргинального индивида, его персона и интимный мир, получивший свое нарративное выражение в литературных произведениях; 7) в основе рассказа о переживании (наррации) лежит поиск персональной идентичности, результаты которого в романтической философии и литературе принимают форму «сексуальной маски» как личины самоидентификации.

По теме диссертации автором опубликовано 17 печатных работ, общим объемом 10,2 п.л.

**ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ ОТРАЖЕНЫ
В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ (СТАТЬЯХ И ТЕЗИСАХ
ДОКЛАДОВ):**

1. Вытеснение: (Словарная статья) // Современный философский словарь / Под общ. ред. В. Е. Кемерова; (2-е изд., испр. и доп.). Лондон; Франкфурт-на-Майне; Париж; Люксембург; Москва; Минск: «Панпринт», 1998. С. 175—176. (0,2 п.л.).
2. Перенесение: (Словарная статья) // Современный философский словарь / Под общ. ред. В. Е. Кемерова; (2-е изд., испр. и доп.). Лондон; Франкфурт-на-Майне; Париж; Люксембург; Москва; Минск: «Панпринт», 1998. С. 647—648. (0,2 п.л.).
3. Страх: (Словарная статья) // Современный философский словарь / Под общ. ред. В. Е. Кемерова; (2-е изд., испр. и доп.). Лондон; Франкфурт-на-Майне; Париж; Люксембург; Москва; Минск: «Панпринт», 1998. С. 867—870. (0,4 п.л.).
4. Сублимация: (Словарная статья) // Современный философский словарь / Под общ. ред. В. Е. Кемерова; (2-е изд., испр. и доп.). Лондон; Франкфурт-на-Майне; Париж; Люксембург; Москва; Минск: «Панпринт», 1998. С. 880—881. (0,2 п.л.).
5. Ordo amoris: Канон любви как формула целостности мира // XXI век: Будущее России в философском измерении: (Материалы Второго Всероссийского философского конгресса). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. Т. 3. Ч. 1. С. 86—87. (0,1 п.л.).
6. Проблема ключевых ориентиров в понимании феномена любви // Жизненные миры философии: (Сб. науч. статей / Под ред. В. А. Лос-

- кутова, В. В. Скоробогачко, Л. А. Мясниковой). Екатеринбург: Изд-во Урал. акад. гос. службы, 1999. С. 134—151. (1,05 п.л.).
7. К. Г. Юнг: Генетическая теория либидо // Рифейский сократический пандемониум: (Историко-философский альманах / Под ред. А. В. Перцева). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. С. 76—84. (0,6 п.л.).
  8. Ното аманс: Диспозитив любви — порядок в потенциалисе: (Основные концепты современной методологии) // Гуманитарный Вектор: (Вестн. Забайкальс. отдел. Академ. гуманитар. наук. / Под ред. Д. А. Крылова). Чита: Изд-во Забайкальс. гос. педагогич. ун-та, 2000. № 2 (7). С. 37—53. (1,5 п.л.).
  9. Философская культура и ее образование как творчество концептов // Естественно-научное, техническое образование и философская культура: (Материалы научно-практической конференции). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. С. 155—158. (0,2 п.л.).
  10. Динамика художественного образа в творчестве французских, немецких и английских романтиков // Культура и цивилизация: (Материалы Всероссийской научной конференции). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. С. 256—260. (0,3 п.л.).
  11. Тематизация философского дискурса в его жанровых метаморфозах: (Тема любви) // Многообразие жанров философского дискурса: (Коллектив. монография; Учеб. пособие / Под общ. ред. В. И. Плотникова). Екатеринбург: Банк культурной информации, 2001. Гл. 10. С. 124—149. (2 п.л.).
  12. Толерантность в отношениях любви: Норма и патология: (Психоаналитическое исследование человеческой сексуальности) // Толерантность: (Материалы Летней школы молодых ученых «Россия — Запад: философские основания социокультурной толерантности» / Под ред. М. Б. Хомякова). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. Ч. 1. С. 105—119. (0,8 п.л.).
  13. Софиология В. С. Соловьева: София Иисуса, или Миф об Андрогине в «Смысле любви» // Персонология русской философии: (Материалы IV Всеросс. науч. заоч. конф. / Под ред. Б. В. Емельянова). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. С. 230—234. (0,25 п.л.).
  14. Философская проза Владимира Набокова: «Лолита, Исповедь Светлокожего Вдовца» — Грезы о нимфетке, или О непристойной любви // Литература как способ существования русской философии: (Материалы науч. конф., проведен. Обществом ревнителей русс. филос. в УрГУ им. А. М. Горького / Под ред. Б. В. Емельянова). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. С. 103—107. (0,25 п.л.).

15. Русский Романтизм XIX—XX веков: Зеркальный Нарциссизм, или Фантастика Влюбленных Двойников // София: Электронная версия журнала Общества ревнителей русской философии. Екатеринбург, 2001. [http:// virlib.eunnet.net/sofia/2001_02/](http://virlib.eunnet.net/sofia/2001_02/). (1,5 п.л.).
16. Схизма стихий в любви дерзающей: «огненный пафос» Диониса и «воздушная страсть» Фридриха Ницше // Историко-философский ежегодник — 2001: (Сб. науч. тр. / Отв. ред. Р. А. Бурханов). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. С. 16–29. (0,5 п.л.).
17. Сериация как принцип любви: закон «повторения» Серена Кьеркегора и метафора «Содома и Гоморры» Марселя Пруста // Человек в философско-правовом измерении: (Четвертые Соколовские чтения): Материалы региональной научно-теоретической конференции (Нижевартовск, 05—06 октября 2001 года) / Отв. ред. Р. А. Бурханов. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. С. 30—34. (0,2 п.л.).

Подписано в печать 22.05. 2002 г. Формат 60х84 1/16.

Бумага писчая. Печать офсетная. Заказ № _____ .

Объем 2 усл. печ. л. Тир. 100.

Тираж 100 экз. Отпечатано в ИПЦ «Изд-во УрГУ»

620083, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.